

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2021.70.75.026

**Роль и значение феномена человека в концепции евразийцев
(социально-философский анализ)**

Грызлова Алена Федоровна

Старший преподаватель,
Национальный открытый институт г. Санкт-Петербург,
197183, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
ул. Сестрорецкая, 6;
e-mail: a.sangadzhieva@noironline.ru

Давыденкова Антонина Гелеевна

Профессор кафедры философии и культурологии,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196605, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Петербургское ш., 2;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Туфанов Александр Олегович

Доктор философских наук,
завкафедрой управления
социально-политическими процессами и истории,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
196605, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Петербургское ш., 2;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Аннотация

Революция 1917 г. в России привела к коренным трансформациям в социальной и политической жизни России, преобразовав страну и ее народ и в первую очередь в сфере идеологии и культуры. Если для Советской России это безусловное торжество марксизма-ленинизма как безальтернативной идеологии с опорой на философию К. Маркса и Ф. Энгельса (диалектический и исторический материализм), то для зарубежной эмиграции – это формирование социально-политической теории и философии евразийства. Евразийство – это не только явление русской общественно-политической мысли, но его можно рассматривать и как социально-политическое движение. В основании этого движения лежит концепция Евразии как самостоятельного географического, исторического, культурного и политического мира. К основным идеям евразийства как движения относят противопоставляющий Запад – Восток антиевропеизм, идущий от Н.Я. Данилевского с его критикой европоцентризма как культурологической модели («Россия и Европа») и ранних славянофилов – в смысле разочарования достижениями западной

цивилизации. Противопоставление идет и на религиозном уровне – европейский католицизм/протестантизм – русское православие. С геополитической точки зрения – это проповедь особого континентального расположения страны. А по отношению к человеку – обоснование так называемого «туранского» типа личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Грызлова А.Ф., Давыденкова А.Г., Туфанов А.О. Роль и значение феномена человека в концепции евразийцев (социально-философский анализ) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 6А. С. 228-239. DOI: 10.34670/AR.2021.70.75.026

Ключевые слова

Подход, человек, продукт, культура, развитие.

Введение

Евразийство – духовно-мировоззренческая попытка объяснить своеобразие русской культуры, философия цивилизационного синтеза Востока и Запада, идеология обоснования исторической роли России как отдельной цивилизации, что становится актуальным и сегодня в современной России. Не зря Эдуард Зюсс написал: «Россия останется и будет сама собой как субъект всемирной истории, общецивилизационного развития лишь в качестве части света, именуемой Евразия. Этим названием, принято обозначать совокупность двух частей света на одноименном материке и островах. Но разграничение Европы и Азии по реке Урал условно, поскольку Русская равнина плавно переходит в Туранскую, Западно-Сибирскую низменности, затем Казахстанский мелкосопочник, Средне-Сибирское плоскогорье. Налицо единый массив, обращенный к Ледовитому океану. Такова Евразия как самостоятельная, отличная от Европы и Азии часть света. Данный вывод помимо соображений географического порядка подтверждается фактом дивергентности культурно-цивилизационного развития, образования в каждой из трех частей света типологически различных цивилизаций» [Зайцев, 1994].

Основная часть

Основоположниками теории евразийства по праву считаются Н.Н. Алексеев (1879 – 1964), Л.П. Карсавин (1882 – 1952), Г.В. Вернадский (1887 – 1973), П.Н. Савицкий (1895 – 1965), Н. С. Трубецкой (1890 – 1938), богослов Г.В. Флоровский (1893 – 1979). К поздним евразийцам, относится историк, философ, этнолог, географ, востоковед Л.Н. Гумилев (1912 – 1992). Современное евразийство или неоевразийство, разрабатывается в русле отечественной философии геополитики и отчасти стало элементом политических программ многопартийной России под девизом «Поворот к Востоку» [Кефели, 2007, 2009; Кефели, Шевченко, 2018].

С точки зрения историософии евразийства в основание движения заложена идея татаро-монгольского начала российской государственности и имперской ее сущности (П.Н. Савицкий: «без татарщины не было бы России» [Савицкий, 1992]). Данный тезис о «татарщине» как основе российской государственности и в прошлом, и сейчас подвергается аргументированной критике. Известный российский историк, профессор Московского университета Дмитрий Володихин по этому поводу пишет: «Учителями русской политической элиты были не ордынцы. У Орды взяли ямскую гоньбу (почтовую службу), некоторые особенности

налогообложения, внешний вид денег, элементы военного дела. Но в целом *государственность* (выделено нами – авт.) была не только православно-русской, но и построенной на образцах Византии – вот наши учителя. Хотите искать особенности русского политического устройства – загляните в то, на что ссылались наши государи и книжники, когда говорили, кому мы наследуем и по чьим образцам строим державу. Это, конечно, Византия. Без всяких оговорок и ограничений» [Володихин, 2021].

В качестве политических задач евразийцев можно отнести постановку вопроса о постреволюционной миссии России и идеократическом векторе ее существования (Трубецкой, Карсавин, Алексеев). Речь идет о мировоззренческой особенности правящей элиты России того времени, партии большевиков с философской опорой на марксизм-ленинизм как господствующую идеологию. Следует отметить, что в социальной философии достаточно разработаны понятия «теократия» и «идеократия». Так, например, выдающийся русский философ эпохи «серебряного века» В.С. Соловьев (1853-1900) активно использовал термин «теократия» в своих философских построениях. Работы Соловьева «Духовные основы жизни», «История и будущее теократии», «Великий спор и христианская политика», «Россия и Вселенская церковь» и др. детализируют содержание понятия «теократия». Петербургские историки философии пишут: «Совместные усилия церкви и государства приводят к тому, что государство, следуя христианским началам жалости и сострадания, создает материальные предпосылки для общественного развития, церковь же заботится о внутреннем духовном и нравственном исправлении человека. Государство, возвышая религию над собой, тем самым освобождает общество от государственного всевластия и образует свободное самодеятельное общество. Идеалом Соловьева является свободная теократия – высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства» [Колесников, 2010].

Трубецкой под понятием «идеократия» понимал новый способ отбора правящих элит, как мы отмечали, на основе общности мировоззренческих установок. Власть в идеократическом государстве должна быть выборной, она обязана отражать интересы народа, но при этом обладать силой для активного участия в развитии культуры и хозяйственной жизни страны. Идеократия, по Трубецкому, имеет свою систему убеждений, или – как он писал – свою «идею-правительницу», носителем которой является правящий слой. Идея-правительница лежит в основе различных модификаций культуры, определяет политическую культуру идеократического государства. В статье, напечатанной в сборнике «Идеократия и армия» (1927) он пишет: «Возникает вопрос: всякая ли идея может стать идеей-правительницей, и если нет, то каким требованиям должна отвечать идея-правительница подлинного идеократического государства? На этот вопрос в евразийской литературе до сих пор не было дано вполне ясного и исчерпывающего ответа. Селекционным признаком идеократического отбора должно быть не только общее мировоззрение, но и готовность принести себя в жертву идее-правительнице. Этот элемент жертвенности, постоянной мобилизованности, тяжелой нагрузки, связанной с принадлежностью к правящему отбору, необходим для уравнивания тех привилегий, которые неизбежно тоже связаны с этой принадлежностью. В глазах своих сограждан члены правящего отбора должны иметь моральный престиж. Известный моральный престиж принадлежит правящему отбору и при всяком другом строе, но при идеократическом строе он особенно силен именно ввиду того, что готовность жертвовать собой ради идеи-правительницы здесь является одним из основных селекционных признаков правящего слоя. Отсюда следует, что идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой и, во-

вторых, чтобы жертва ради нее расценивалась всеми гражданами как морально ценный поступок» [Трубецкой, www].

По учению евразийцев, для будущего государственного устройства России необходима однопартийная политическая система, поскольку многопартийность – следствие влияния западной культуры. В устройстве государства они предлагали сочетание федеративных основ с сильной вертикалью власти. Для социального устройства России – наличие общественной и частной собственности. В духовной жизни страны главенствующая роль отводилась, безусловно православию.

В становлении евразийской идеологии можно выделить несколько этапов. Первоначально это было выявление отдельных историософских посылов у Трубецкого, а географических – у Савицкого («Континент Евразия» [Савицкий, 1997]). История является наиболее общей эмпирической наукой о бытии человека, но обобщение истории «для того чтобы стать целостным, должно проходить в тесном союзе с обобщающей практикой тех веков, которая рассматривается в каждый конкретный момент» [Усачев, 2005]. Философия и является таким наиболее общим феноменом осмысления действительности. «Последний евразиец» (самоназвание Льва Гумилева) пишет: «Связность духовного мира зарождается в субъекте, и она заключается в движении духа к определению *смысловой основы связанности этого мира*, объединяющей отдельные логические процессы друг с другом» [Гумилев, 1970].

Первым программным текстом евразийцев (август 1921 года, София) был сборник статей четырех авторов (П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского) «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» [Савицкий и др., 1997]. Вторая половина двадцатых годов в философии евразийства дает объединение двух основных идей – о «симфонической личности» и основополагающей философской идее «Россия – Евразия». Тогда же к евразийцам присоединился богослов Лев Карсавин, который предлагал в идеологии евразийства придерживаться более четкой культурологической методологии. В своей трактовке духовной культуры России Карсавин как богослов выдвигал идеи «симфонической» личности и взаимодействия государства и церкви.

Субъектами культуры, по Карсавину, выступают два вида: индивидуальный и «симфонический» (соборный) субъекты. Первый связан с личностью художника, творца культуры. А культура, как отмечал он, есть ничто иное как отображение всеединого человечества и надорганической индивидуальности. Во всякой культуре есть свое «личное», только ей и свойственное, выделяющее ее среди других культур. Это «личное» можно назвать идеей культуры, которая абстрактна и неопределима, но раскрывается во всеединстве.

Второй субъект культуры – симфонический (соборный), как пишет Карсавин, «не агломерат или простая сумма индивидуальных субъектов, но их согласование (симфония)». Таким образом, для Карсавина любая социальная группа, семья, нация, или отдельная культура представляют собой особый субъект культуры – симфоническую личность. Она дает единство и согласование отдельной культуре. Карсавин отмечает, что в эмпирической действительности полного единства и согласованности нет ни в одном симфоническом субъекте. Это единство достижимо лишь в так им названном «всевременном единстве». Он пишет в своей историософской работе: «Во всевременном единстве развития содержатся все культуры со всею полнотой, достигнутой ими эмпирически актуализованности и совершенности. В нем всякая культура и зарождается, и раскрывается, и погибает, уступая место другим культурам ... Во всеединстве развития прошлое, настоящее и будущее культуры по степени актуализованности своей не различны. Но оно вовсе не складочное место, куда сбрасывается прошлое и где уже

есть настоящее, и не какое-то частично удвояющее эмпирию бытие. Эмпирическое становление – момент всеединого развития ... Исходя из идеи всеединства и учитывая незавершенность и несовершенство эмпирии, мы должны ожидать в эмпирическом развитии культуры (как, разумеется, и всякой иной индивидуальности) во 1-х) возникновения ее из ничто, т. е. неуловимого и эмпирически необъяснимого возникновения в лоне других культур, во 2-х) ее становления в стяженное многоединство ее моментов, качественностей и индивидуальностей (народов), в 3-х) вытеснения ею других качественностей в противостоящих ей индивидуальностях, т. е. растворения ею в себе иных культур, и в 4-х) ее погибания, т.е. ее растворения в других культурах» [Карсавин, 1993].

В целом, согласно Карсавину, существует несколько видов «симфонических личностей» – это, во-первых, «частнособорные субъекты» – определенные социальные группы (семья, профессиональные группы, сословия и т.п.), во-вторых, «симфонический субъект», выражающий целостность национальной культуры, и, в-третьих, «высший соборный субъект» то есть человечество. И точно так же, как отдельный человек нередко стремится к эгоистичному отделению от других людей, так и «соборные субъекты» стремятся к эгоистическому самоутверждению. Это приводит к борьбе социальных групп, национальной розни, а в отношении человечества как целого, к противопоставлению человеческой культуры природному миру. Концепция «симфонической личности» Карсавина, таким образом, послужила теоретическим фундаментом обоснования индивидуальности, самобытности культур, а также взаимосвязи индивида и общества, национальной культуры и человечества.

В этот же, второй, период входит в евразийское движение правовед Н.Н. Алексеев. Его доклад «О советском строе и его возможностях» был представлен в Париже в 1926 году на Евразийском семинаре. Руководил работой семинара Карсавин. Доклад Алексева явился основой для материала брошюры «На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности)» (1927) [Глебов, 2010].

В исследовательской литературе выделяют и заключительный, третий, этап классического евразийства, в котором ведущую роль играют исследования Савицкого и Алексева, а также работы философа, вошедшего в евразийское движение как секретарь Савицкого, К.А. Чхеидзе (1897-1974) [Быстряков, 2020]. В дальнейшем как геополитик Чхеидзе развивал идеи о конвергенции евразийства и философии общего дела основателя русского религиозного космизма Н.Ф. Федорова. Правда, со стороны ведущих идеологов евразийства эти идеи не были поддержаны. Основные работы Чхеидзе: «Национальная проблема» (В вып. IV Евразийской хроники), «Лига наций и государства-материки» (В вып. VIII Евразийской хроники), «Из области русской геополитики» и др.

В исследовании Чхеидзе «Теория государства» рассматривается взаимосвязь между территориальным устройством государства и месторазвитием. Понятие «месторазвитие» является одним из ключевых в идеологии евразийства. Выдвинул его Г.В. Вернадский, сын русского естествонаучного космиста академика В.И. Вернадского, в предисловии к работе «Начертание русской истории» (1927). В его трактовке месторазвитие есть «слияние социально-исторической среды и географической обстановки». Он пишет: «Творец русской истории – русский народ. Развитие русского народа в последовательной поступи времен и есть собственный предмет русской истории. Русский народ рос и развивался не в безвоздушном пространстве, а в определенной среде и на определенном месте» [Вернадский, www].

В исследовательской литературе имеется достаточное количество работ, посвященных описанию идеи месторазвития и ее содержательных характеристик. Это научные статьи,

параграфы в монографических работах и учебных пособиях, диссертационные материалы. В качестве примера можно привести работу Д.И. Осипова, который пишет: «Категория «месторазвитие» играет важную роль в философии культуры евразийства и означает единство географического, этнического, хозяйственного и исторического начал в развитии тех или иных народов. Каждый двор и деревня есть месторазвитие, которые объединяются в большие месторазвития. Например, евразийская степь есть месторазвитие, большее в отношении к составляющим ее месторазвитиям – областям, и меньшее в отношении всей России-Евразии. Россия-Евразия, сочетает степь с зоной лесной, пустынной, тундровой, подразумевает взаимодействие их со всеми окружающими Евразию странами. Следующий уровень – земной шар, как месторазвитие человеческого рода. Подход к исследованию общества с позиций месторазвития стал важнейшей методологией геософии – науки о связи географического пространства жизни тех или иных народов и их культурных форм. Исходя из этого подхода, каждая культура принадлежит месторазвитию» [Осипов, 2005]. В этом содержательном описании месторазвития с опорой на работы Савицкого, как мы видим, акцент сделан на иерархии форм месторазвития и их связи с этническими, национальными культурами.

Петербургские историки философии, подчеркивая роль Савицкого как ведущего философа-евразийца, отмечают, что его учение о месторазвитии «вполне сочетается с признанием многовариантности человеческой истории и с выделением наряду с географическим также и самого духовного начала жизни. Развивая свою мысль, он определял Россию. Как по своим пространственным масштабам, так и по географической природе, единой во многом на всем ее пространстве и в то же время отличной от природы прилегающих стран. К этому континенту, предельному «Европе» и «Азии», но в то же время не похожему ни на ту, ни на другую, подобает имя Евразия» [Колесников, 2010].

В учебном пособии «Политическая философия русского консерватизма» проводится сравнение учения Савицкого о месторазвитии с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Авторы пособия пишут: «Савицкий сравнивает понятие месторазвитие с категорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и выявляет их сходство, так как каждому культурно-историческому типу соответствует определенное месторазвитие. При этом Савицкий подчеркивает, что концепция месторазвитие сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и с выделением наряду с географическим, также и самобытного, ни к чему не сводимому духовного начала жизни. Наряду с местными формами культуры существуют и религиозные формы жизни... Иерархичность месторазвитий обеспечила возможность различного видения того или иного явления в зависимости от того, в рамках какого из уровней оно рассматривалось, и изменение его оценки при переходе от одного уровня к другому» [Камнев, Осипов, 2017].

История развития государства, согласно евразийству, есть история приспособления человека к своему ландшафту, она создает свое месторазвитие, этот органический синтез территории и народа, проживающего на ней. То, что Российское государство находится территориально и в Европе, и в Азии – это известно и до евразийцев. Введение понятия «месторазвитие» добавило к пространственному местоопределению с географическими границами необходимость учета культурно-исторических традиций и их влияния на социально-политическое устройство. Под такими культурно-историческими традициями понималась в первую очередь культура Востока. Современные авторы пишут: «В концепции «классического» евразийства основное предпочтение отдается восточным корням евразийской культуры и русского этноса. Савицким подчеркивалась агрессивность европейской культуры по

отношению к другим народам, а также резко отрицательное отношение евразийцев к механистическому насаждению европейских культурных ценностей» [Саблина, Любина, 2020].

Культура, согласно культурно-антропологическому подходу, немислима без ее создания человеком и участия человека в ней. Человек есть творец культуры, но в то же время он ее естественный продукт. Это главный тезис культурной антропологии. Применительно к философии евразийства Евразия – это особый географический и культурный мир. В нем, как пишут евразийцы в «Предисловии» к работе «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), «Русские люди и люди народов «Российского мира» не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающей нас стихией культуры и жизни, мы не стыдимся признать себя – евразийцами» [Савицкий и др., 1997]. Евразиец – это особый тип личности. Для него характерно осознание естественной, гармоничной связи жизни социальной с жизнью природы. Для евразийца свойственна русская широта сознания, взгляд на исторически установившиеся формы культуры как вполне относительные. Туранский элемент значим для евразийского типа личности. Он относится к психологическим типам народов Евразии (татары, башкиры, узбеки и др.) и качественно отличается от семитского и тюркского типов личности. Трубецкой подчеркивал, что в туранской психике человека «нет резкого разграничения между мыслью и внешним действием, между догматом и бытом. Внешние впечатления, мысли, поступки и быт сливаются в одно монолитное неразделимое целое... Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность... Положительная сторона туранской психики, несомненно, сыграла благотворную роль в русской истории» [Трубецкой, 2000].

В творчестве Савицкого разработана идея географического единства Евразии как континента в его ландшафтно-ботаническом разнообразии леса, тундры, лесостепи, степи, доказываются факты взаимного влияния ландшафта на культуру и социальную жизнь народов. Сама история используется евразийцами для доказательства исторического единства того пространства, которое занимает Российское государство. Следуя этому историческому подходу, Вернадский в своей работе «Начертание российской истории», рассуждая о борьбе «степи» и «леса», выделяет пять исторических периодов, создающих это евразийское геополитическое пространство. Причем, в его рассуждениях речь идет не только о «почвенно-ботаническом» значении, а о соединении, взаимовлиянии природного и культурного.

Так, в первый, рассматриваемый в отечественной историографии как «норманский», период, который позиционируется Вернадский как «попытка объединения леса и степи», происходит продвижение гуннов по Европе, расселение раннеславянских племен. Его продолжительность – с VI века по 972 год. Это время начала существования варяго-славянского государства с его первыми князьями, ведущими борьбу с аварами и хазарами. Второй период связывается Вернадским с княжением Владимира и Ярослава и распространяется на 972 – 1238 годы, то есть вплоть до нашествия монголов. «Борьба леса и степи» – такое емкое название-определение получил этот период. Третий период включает монгольское иго и собиранье земель вокруг Москвы. Он длится соответственно с 1238 года по 1452 (появление независимого от Москвы Касимовского татарского царства) и назван Вернадским как «победа степи над лесом». Четвертый период соотносится с наступлением русского Севера на монголо-турецкий Юг и Восток (1452-1696 гг.) представляется как «победа леса над степью». Знаковая фигура этого периода русской истории – Иван III или Иван Великий. В российской истории эпитет «Великий» был присвоен Ивану Великому, Петру Великому, Екатерине Великой. В четвертый период российской истории происходит завоевание Казани, Астрахани, Сибири, овладение устьями Дона, взятие Азова. И последний, пятый, период (1696-1917), названный Вернадским

«объединение леса и степи», знаменует «континентальное» распространение Российского государства почти до естественных пределов Евразии. Таким образом русский историк, ученик В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, используя в принципе «природную» терминологию описывает, по сути дела, социокультурное и геополитическое явление: слияние природных и народных факторов в единый процесс.

В работе «Наследие Чингисхана» Трубецкой характеризует Россию как наследницу империи Чингисхана. Именно поэтому Советская Россия с легкостью предоставила независимость Финляндии, Польше, Латвии, Эстонии, Литвы. Народы этих новообразованных государств тяготели к западной культуре, поэтому они не восприняли культуру с определяющим азиатским месторазвитием. На территории Евразии, как отмечали евразийцы, сформировался особый культурно-психологический тип личности, совершенно несхожий с европейским. Формированию этого типа личности способствовали два фактора: личностного и общественно-политического характера. К первому относится принцип формирования личности кочевника, которому чужда идея землевладения. Отсутствие землевладения предполагало нивелировку собственнических инстинктов. Кочевник предпочитает жить в составе большой семьи (прообразе общины). Однако это не славянская община (сельский мир), которая связана общим землепользованием и взаимной выручкой.

По мнению Трубецкого, степняки, в отличие от европейцев, не знали сословного деления. Высшее место в их властной иерархии принадлежит хану, значит прочие члены сообщества были его подчиненными. Они были равны между собой в правовом и политическом аспектах. Существенным различием являлось экономическое неравенство, обусловленное наличием количества скота и завоеванной добычи во времена военных походов. Трубецкой настаивал на важности таких факторов, которые характеризовали Русь Московскую, как значимость в социальной иерархии древности рода и продолжительность служения государю. Это, утверждал он, было взято из политической культуры степняков.

Неоднозначной являлась характеристика Трубецким постреволюционной России. Казалось бы, что советская Россия возвратилась на свой традиционный путь развития и обратилась в сторону Азии. Вспомним поддержку Советским Союзом национально-освободительных движений государств Востока (Китай, Корея, Турция и др.), хотя в ранний период существования советской страны господствовала прозападная идея мировой революции (троцкизм). С другой стороны, шло формирование советской империи за счет среднеазиатских народов. Однако империя эта была своеобразная – центр (Россия) существовал не за счет окраин, а, напротив, всемерно содействовал их социальному, культурному и хозяйственному подъему.

Помимо географического и исторического единства Евразии, идеологи евразийства доказывали на широком материале (от лингвистического до этнического) наличие культурного единства. Это особенно проявилось у Гумилева. По его теории истории этнос выступает фундаментальным элементом человеческой истории. Этнос по своей природе биологичен. Роль этноса в истории определяется явлением пассионарности, которую Гумилев трактовал как эффект избытка биохимической энергии конкретного человека. Пассионарность связана с энергией отдельных людей, которые обладают спецификой темперамента (сверхактивность индивида как личности), готовностью пожертвовать собой ради идеала. При факте исчерпаемости пассионарности (пассионарных личностей), доказывал Гумилев, этнос постепенно уходит в небытие. Напомним, что понятие «идеократия» у классических евразийцев также было связано с идеей личной жертвенности во имя общего блага.

Этнос, по Гумилеву, выступает базовой единицей культурного взаимодействия народов, а

этногенез – это процесс взаимодействия этноса с месторазвитием [Гумилев, 2018]. Люди являются частью этноса, а следовательно – и частью природной системы. Можно говорить о значительном влиянии в этом вопросе концепции биосферы Вернадского старшего на теорию пассионарности Гумилева [Арефьев, Давыденкова, 2018]. Признание конкретного человека частью этноса не зависит от властных структур. Наоборот, каждый человек в себе несет чувство принадлежности к родному этносу, когда он сталкивается с иноязычной культурой и представителями этноса «Других». В социальной философии и социальной психологии это охватывается термином самоидентификации. Сами этносы, по Гумилеву, делятся, в свою очередь, на субэтносы, которые существуют лишь в рамках конкретного этноса.

Теория этногенеза Гумилева в целом оказала значительное влияние на неоевразийство в России (А.Г. Дугин [Дугин, 2004], А.С. Панарин [Панарин, 2005] и др.). Но его подход к обществу и человеку, культуре в значительной мере отличается от классического евразийства за счет введения и детальной разработки таких понятий как «этногенез» и «пассионарность».

Заключение

В целом, оценивая вклад Л.Н. Гумилева в философию евразийства, можно выделить три основных пункта:

- во-первых, это влияние его терминологии, общих выводов из теории этногенеза на дискурс неоевразийцев;
- во-вторых, несомненным значением обладает детальное описание народов Евразии, сделанное Гумилевым – тюркских, гуннов, хазар, представителей несторианства в Средней Азии и др.;
- в-третьих, суждения Гумилева о приверженности многочисленных этносов Евразии своим этническим и культурным традициям, народным корням оказались совершенно справедливыми с исторической точки зрения.

В современной России как в стране полиэтнической (более 190 этносов и малых народностей) и поликонфессиональной (пять традиционных конфессий: православие, католицизм, протестантизм, ислам, буддизм; множество этнических) государственная поддержка традиционных этнокультур является частью социальной и культурной политики государства. Поэтому евразийство становится неотъемлемой частью современной государственной идеологии России.

Библиография

1. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. Антропологический принцип в философии русского космизма: от Н.Ф. Федорова до академика В.И. Вернадского // Материалы международной научно-практической конференции «В.И. Вернадский и перспективы развития российской науки». СПб., 2018. С. 5-11.
2. Быстрыков В.Ю. Евразийская идеократия К.А. Чхеидзе // Вестник государственного Оренбургского педагогического университета. 2020. № 2 (34). С. 98-111.
3. Вернадский Г. Начертание русской истории. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=196892&p=1>
4. Володихин Д. Третий Великий // Аргументы недели. 2021. № 7(751). С. 3.
5. Глебов С. Из переписки евразийцев, 1921-1928 // Евразийство: между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. С. 177-620.
6. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М.: Абрис/ОЛМА, 2018. 256 с.
7. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1970. С. 144-145.
8. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо; Яуза, 2004. 512 с.
9. Зайцев Д.Ф. Становление евразийской цивилизации и русского мессионизма // Социальная философия и

- философия истории: открытое общество и культура. СПб., 1994. Ч. 1. С. 50.
10. Камнев В.М., Осипов И.Д. Политическая философия русского консерватизма. СПб.: Владимир Даль, 2017. С. 211-212.
 11. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993. С. 163.
 12. Кефели И.Ф. Геополитика Евразии. СПб.: Петрополис, 2009. 326 с.
 13. Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007. 208 с.
 14. Кефели И.Ф., Шевченко Н.Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб.: Петрополис, 2018. 220 с.
 15. Колесников А.С. (ред.) История философии. СПб.: Питер, 2010. С. 295-296.
 16. Осипов Д.И. Феномен хозяйства в русской философии культуры начала XX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005. С. 16-17.
 17. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. 188 с.
 18. Саблина М.А., Любина Д.Е. Истоки концепции евразийства в российском политическом дискурсе // Философия науки: История и современность. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 120.
 19. Савицкий П.Н. и др. (ред.) Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. М., 1997. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php>
 20. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
 21. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. 368 с.
 22. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns16.htm>
 23. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. М.: Аграф, 2000. С. 154-155.
 24. Усачев А.В. Русская историософия и германская философия истории: сходство и различие моделей // Фигуры истории, или «общие места» историографии. СПб.: Северная Звезда, 2005. С. 183.

The role and significance of the human phenomenon in the concept of Eurasians (socio-philosophical analysis)

Alena F. Gryzlova

Senior Lecturer,
National Open Institute of Saint Petersburg,
197183, 6, Sestroretskaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: a.sangadzhieva@noironline.ru

Antonina G. Davydenkova

Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196605, 2, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Aleksandr O. Tufanov

Doctor of Philosophy,
Head of the Department of Management
of Socio-Political Processes and History,
Saint Petersburg State Agrarian University,
196605, 2, Peterburgskoe highway, Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ant-daga@mail.ru

Abstract

The revolution of 1917 in Russia led to radical transformations in the social and political life of Russia, transforming the country and its people, primarily in the sphere of ideology and culture. If for Soviet Russia this is an unconditional triumph of Marxism-Leninism as an alternative ideology based on the philosophy of K. Marx and F. Engels (dialectical and historical materialism), then for foreign emigration it is the formation of the socio-political theory and philosophy of Eurasianism. Eurasianism is not only a phenomenon of Russian socio-political thought, but it can also be considered as a socio-political movement. This movement is based on the concept of Eurasia as an independent geographical, historical, cultural and political world. The main ideas of Eurasianism as a movement include anti-Europeanism contrasting the West and the East, coming from N.Y. Danilevsky with his criticism of Eurocentrism as a cultural model (Russia and Europe) and the early Slavophiles in the sense of disappointment with the achievements of Western civilization. The opposition is also on the religious level, between European Catholicism / Protestantism and Russian Orthodoxy. From a geopolitical point of view, this is a sermon on the special continental location of the country. And in relation to a person, it's the justification of the so-called "Turanian" personality type.

For citation

Gryzlova A.F., Davydenkova A.G., Tufanov A.O. (2021) Rol' i znachenie fenomena cheloveka v kontseptsii evraziitsev (sotsial'no-filosofskii analiz) [The role and significance of the human phenomenon in the concept of Eurasians (socio-philosophical analysis)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 10 (6A), pp. 228-239. DOI: 10.34670/AR.2021.70.75.026

Keywords

Approach, person, product, culture, development.

References

1. Aref'ev M.A., Davydenkova A.G. (2018) Antropologicheskii printsip v filosofii russkogo kosmizma: ot N.F. Fedorova do akademika V.I. Vernadskogo [Anthropological principle in the philosophy of Russian cosmism: from N.F. Fedorov to Academician V.I. Vernadsky]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «V.I. Vernadskii i perspektivy razvitiya rossiiskoi nauki»* [Proceedings of the international scientific and practical conference "V.I. Vernadsky and prospects for the development of Russian science"]. St. Petersburg.
2. Bystryukov V.Yu. (2020) Evraziiskaya ideokratiya K.A. Chkheidze [Eurasian Ideocracy by K.A. Chkheidze]. *Vestnik gosudarstvennogo Orenburgskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the State Orenburg Pedagogical University], 2 (34), pp. 98-111.
3. Dugin A.G. (2004) *Proekt «Evraziya»* [Eurasia project]. Moscow: Eksmo; Yauza Publ.
4. Glebov S. (2010) Iz perepiski evraziitsev, 1921-1928 [From the correspondence of the Eurasians, 1921-1928]. In: *Evraziistvo: mezhdru imperiei i modernom: Istoriya v dokumentakh* [Eurasianism: between empire and modernity: History in documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.
5. Gumilev L.N. (2018) *Ot Rusi do Rossii* [From Rus to Russia]. Moscow: Abris/OLMA Publ.
6. Gumilev L.N. (1970) Etnos i kategoriya vremeni [Ethnicity and the category of time]. In: *Doklady otdelenii i komissii Geograficheskogo obshchestva SSSR* [Reports of departments and commissions of the Geographical Society of the USSR]. Leningrad.
7. Kamnev V.M., Osipov I.D. (2017) *Politicheskaya filosofiya russkogo konservatizma* [Political philosophy of Russian conservatism]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
8. Karsavin L.P. (1993) *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. St. Petersburg: Komplekt Publ.
9. Kefeli I.F. (2009) *Geopolitika Evrazii* [Geopolitics of Eurasia]. St. Petersburg: Petropolis Publ.
10. Kefeli I.F. (2007) *Filosofiya geopolitiki* [Philosophy of geopolitics]. St. Petersburg: Petropolis Publ.
11. Kefeli I.F., Shevchenko N.N. (2018) *Bol'shaya Evraziya: tsivilizatsionnoe prostranstvo, ob"edinitel'naya ideologiya*,

- proektirovanie budushchego* [Greater Eurasia: civilizational space, unifying ideology, designing the future]. St. Petersburg: Petropolis Publ.
12. Kolesnikov A.S. (ed.) (2010) *Istoriya filosofii* [History of Philosophy]. St. Petersburg: Piter Publ.
 13. Osipov D.I. (2005) *Fenomen khozyaistva v russkoi filosofii kul'tury nachala XX veka. Doct. Dis.* [The phenomenon of economy in Russian philosophy of culture at the beginning of the 20th century. Doct. Dis.]. St. Petersburg.
 14. Panarin A.S. (2005) *Russkaya kul'tura pered vyzovom postmodernizma* [Russian culture before the challenge of postmodernism]. Moscow.
 15. Sablina M.A., Lyubina D.E. (2020) Istoki kontseptsii evraziiztva v rossiiskom politicheskom diskurse [The origins of the concept of Eurasianism in Russian political discourse]. In: *Filosofiya nauki: Istoriya i sovremennost'* [Philosophy of Science: History and Modernity]. St. Petersburg: Politekh-press Publ.
 16. Savitskii P.N. et al. (red.) (1997) *Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya* [Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments]. Moscow. Available at: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> [Accessed 12/12/2021]
 17. Savitskii P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [Eurasia continent]. Moscow: Agraf Publ.
 18. Savitskii P.N. (1992) Step' i osedlost' [Steppe and Settlement]. In: *Evraziya: istoricheskie vzglyady russkikh emigrantov* [Eurasia: Historical Views of Russian Emigrants]. Moscow.
 19. Trubetskoi N.S. *Ob idee-pravitel'nitse ideokraticeskogo gosudarstva* [On the idea-ruler of an ideocratic state]. Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns16.htm> [Accessed 12/12/2021]
 20. Trubetskoi N.S. (2000) *O turanskom elemente v russkoi kul'ture* [On the Turanian element in Russian culture]. Moscow: Agraf Publ.
 21. Usachev A.V. (2005) Russkaya istoriosofiya i germanskaya filosofiya istorii: skhodstvo i razlichie modelei [Russian historiosophy and German philosophy of history: similarities and differences between models]. In: *Figury istorii, ili «obshchie mesta» istoriografii* [Figures of history, or commonplaces of historiography]. St. Petersburg: Severnaya Zvezda Publ.
 22. Vernadskii G. *Nachertanie russkoi istorii* [Inscription of Russian history]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=196892&p=1> [Accessed 12/12/2021]
 23. Volodikhin D. (2021) Tretii Velikii [The Third Great]. *Argumenty nedeli* [Arguments of the Week], 7(751), p. 3.
 24. Zaitsev D.F. (1994) Stanovlenie evraziiskoi tsivilizatsii i russkogo messionizma [Formation of Eurasian civilization and Russian messianism]. In: *Sotsial'naya filosofiya i filosofiya istorii: otkrytoe obshchestvo i kul'tura* [Social philosophy and philosophy of history: open society and culture]. St. Petersburg. Part 1.